

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-581-607

Ремесленная культура цехового крымско-татарского мастера по изготовлению традиционной кожаной обуви (по рукописным и опубликованным материалам В.А. Гордлевского)

А.А. Непомнящий, В.А. Грушецкая

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
dr.aan@mail.ru, victorianage89@gmail.com

Аннотация: На основе анализа научного наследия крупного тюрколога-крымоведа В.А. Гордлевского (1876–1956), которое в значительной степени сохранилось в рукописном виде, в частности, в Архиве Российской академии наук, других архивохранилищах, а также содержится в известных публикациях ученого, рассмотрена сравнительная характеристика цеховой организации ремесленников в Крыму и в Малой Азии. Проанализирована ремесленная культура крымско-татарских мастеров, которые изготавливали повседневную кожаную обувь на территории Крымского полуострова в конце XVIII – начале XX в. Выделена ведущая роль В.А. Гордлевского в исследовании данной проблемы. Восстановлены эпизоды его биографии и научной деятельности, которые отразились на формировании фундаментальных и глубоких знаний ученого по этому вопросу. Сформулированы отдельные аспекты развития ремесленной культуры в Крыму. Братство ахи появилось и функционировало в Крыму как добровольное объединение местной профессиональной и религиозной ассоциации цеховых ремесленников с XIII в. По мнению тюрколога В.А. Гордлевского, эти профессиональные союзы играли ведущую религиозную, политическую и экономическую роль в регионе благодаря «футтуве», статусу ремесленников, который в Крыму назывался «селеф-намэ». Подобный статут о моральном поведении и обрядности крымских цеховых ремесленников-обувщиков включал в себя этический и моральный кодекс, содержащий различные добродетели, в частности щедрость, честность и скромность. У обувщиков было свое знамя, они носили особую поясную одежду (шаровары «туман» и рабочий фартук «пештамал»), которая имела свои знаковые функции в обрядности, связанной с посвящением в мастера и сохранением этого статуса. В Крыму существовала собственная иерархия цеховых ремесленников, в основном, она состояла из трехуровневой системы: ученик «шекирд», подмастерье «калфа», мастер «уста», а также администрации во главе с верховным духовным наставником цехов «накыб», главными мастерами «уста-баши».

Ключевые слова: В.А. Гордлевский, Крым, крымоведение, крымские татары, ремесленная культура, цеховая организация

Для цитирования: *Непомнящий А.А., Грушецкая В.А.* Ремесленная культура цехового крымско-татарского мастера по изготовлению традиционной кожаной обуви (по рукописным и опубликованным материалам В.А. Гордлевского) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 3. С. 581–607. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-581-607

Введение

Неотъемлемой частью культурного наследия крымско-татарского народа выступает традиционный костюм конца XVIII – начала XX в. При этом интересно восстановить особенности создания цеховыми ремесленниками его составляющих компонентов, в частности, кожаной сшитой обуви. Важным аспектом данной исследовательской проблемы является оценка научной деятельности ученых, которые изучали на разных этапах ремесленную культуру и быт крымско-татарских мастеров – производителей кожаной традиционной обуви. Одним из признанных исследователей крымско-татарской этнографии является крупнейший представитель отечественного востоковедения, тюрколог Владимир Александрович Гордлевский (1876–1956). Сохранившиеся в его личном архивном фонде рукописные и опубликованные материалы способствуют более углубленному изучению различных аспектов ремесленной культуры в Крыму, в том числе связанных с описанием цеховой организации, этапами обучения, условиями быта, мировоззрением, этическими нормами, традициями и обычаями крымско-татарских ремесленников.

В начале XX в. для В.А. Гордлевского как языковеда и фольклориста народные сказки, легенды, песни, пословицы, загадки тюркских народов были первостепенным объектом исследования. Сравнительное изучение устного творчества разных представителей тюркского этноса позволило ученому лучше познать повседневную культуру, ближе познакомиться с ремесленной деятельностью и созданием различных предметов обихода тюрков. В подготовленных в 1946 и 1979 гг. библиографических списках работ В.А. Гордлевского не учтены некоторые из его трудов, посвященных исследованию Крыма¹. Их удалось восстановить благодаря изучению неопубликованной библиографии исследований В.А. Гордлевского, составленной Агатангелом Ефимовичем Крымским (1871–1942), которая сохранилась в рукописном виде в личном архивном фонде ученого в Киеве².

---

¹ Библиография печатных трудов члена-корреспондента АН СССР профессора В.А. Гордлевского: к 70-летию со дня рождения. М., 1946; *Базиянц А.П.* Владимир Александрович Гордлевский. М., 1979.

² Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского Национальной академии наук Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25531. Л. 1–10; *Баскаков Н.А.* Из писем А.Е. Крымского к В.А. Гордлевскому // *Türkologiya*. 2006. № 2/4. С. 3–18.

Заметное место в научном наследии выдающегося советского востоковеда-тюрколога и академика занимают исследования фольклора и этнографии крымских татар. Проведенные в последнее десятилетие библиографические и архивные разыскания позволили представить научной общественности разработки В.А. Гордлевского в области крымоведения – более 15 малоизвестных или неизвестных научных работ ученого³. Еще в досоветский период тюрколог, хорошо ориентированный в новых тенденциях российского востоковедения и следивший за крымскими журнальными новинками, проанализировал 50-й выпуск «Известий Таврической ученой архивной комиссии» и констатировал, что «выдвигается на очередь и этнографическое исследование Крымского полуострова»⁴.

После окончательного установления в Крыму советской власти в ноябре 1920 г. Гордлевский продолжил изучение крымских татар. Результаты его научных экспедиций, проведенных на полуострове в 20-е гг. XX в., большей частью не были опубликованы и поэтому малоизвестны специалистам. Среди архивных материалов для раскрытия заявленной темы несомненный научный интерес представляют некоторые рукописи ученого «Этнографические мелочи: в Крыму» (12 сентября 1925 г.), «О крымской деревне Ускют» (1929 г.)⁵ и др. Вероятно, что свои научные изыскания по материальной культуре крымских татар ученый планировал также опубликовать в фундаментальных многотомных изданиях «История народов Крыма» и «Советская энциклопедия Крыма», так как Крымским обкомом ВКП(б) 7 октября 1934 г. было принято решение о сборе материалов для этих изданий, однако данные проекты так и не были реализованы.

Научную ценность представляют публикации, связанные непосредственно с историей ремесленного производства традиционной кожаной обуви крымских татар, жизнью и бытом ее создателей – цеховых мастеров и их учеников. Собранный в Крыму В.А. Гордлевским богатейший фактический материал о жизни цеховых ремесленников до настоящего времени не утратил научной значимости. Эти важные этнографические данные легли в основу сравнительного исследования о ремесленниках Крыма и Османской империи, обобщенного в виде цикла публикаций ученого. Так, в апреле 1923 г. тюрколог выступал с докладом «Из жизни цехов в Турции: к исто-

---

³ *Непомнящий А.А.* История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. Вып. 25. С. 210–211.

⁴ *Гордлевский В.А.* Рецензия // Этнографическое обозрение. 1914. № 1/2. С. 244; Рецензия на книгу // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1913. № 50. С. 316.

⁵ Архив Российской академии наук (далее – Архив РАН). Ф. 688. Оп. 1. Д. 90. Л. 23–31; Там же. Ф. 688. Оп. 2. Д. 46. Л. 1–2; Там же. Д. 48. Л. 1–3.

рии ахи» на объединенном заседании Восточной секции Научно-исследовательского института языковедения и исторической литературы. Позже эта работа была издана в «Записках Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР» в 1927 г.⁶ Тогда же была опубликована работа «Дервиши Ахи Эвраана и цехи в Турции»⁷.

Наиболее ценное и основополагающее с научной точки зрения исследование, связанное с цеховой организацией у крымских татар, историк представил в отдельной статье «Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасубазар», напечатанной в 1928 г.⁸ Завершающей частью научных работ о ремесленной жизни Малой Азии и Крыма можно считать его фундаментальное монографическое исследование «Государство сельджукидов Малой Азии», изданное в 1941 г. и вошедшее затем в первый том избранных трудов ученого⁹.

О жизненном пути и научной деятельности востоковеда В.А. Гордлевского опубликован ряд трудов, важными из которых являются биографические работы Е.Э. Бертельса¹⁰, А.П. Базиянца¹¹ и др. Проблеме развития сапожного ремесленного производства в Крыму посвящены разновременные публикации отечественных исследователей Ф. Домбровского¹², Гермогена¹³, Н.П. Ракицкого¹⁴, С.Н. Абдурамановой¹⁵, рассматривающих исторические (социально-политические реалии развития ремесла), экономико-статистические (экономическое положение ремесленников, связь с рынком, зависи-

⁶ *Гордлевский В.А.* Из жизни цехов в Турции. К истории «ахи» // Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Академии Наук СССР. Л., 1927. Т. II. Вып. 2. С. 235–248.

⁷ *Гордлевский В.А.* Дервиши Ахи Эвраана и цехи в Турции // Известия Академии наук СССР. 1927. Т. 21. Вып. 7. С. 1171–1194.

⁸ *Гордлевский В.А.* Организация цехов у крымских татар: Из поездки в Карасубазар // Труды Этнографо-Археологического музея Этнологического факультета Первого Московского государственного университета. М., 1928. Вып. 4: Быт. С. 58–65.

⁹ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов Малой Азии // Избранные сочинения. Исторические работы. М., 1960. Т. I. С. 31–218.

¹⁰ *Бертельс Е.Э.* Владимир Александрович Гордлевский // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию: сб. ст. М., 1953. С. 5.

¹¹ *Базиянец А. П.* Владимир Александрович Гордлевский. М., 1979. С. 80.

¹² *Домбровский Ф.* Историко-статистический очерк г. Бахчисарая // Новороссийский календарь на 1849 год. Одесса, 1848. С. 380–396; *Домбровский Ф.* Реван, крымско-татарский обычай // Таврические губернские ведомости. 28 июля 1862.

¹³ *Гермоген.* Таврическая епархия. Псков, 1887.

¹⁴ *Ракицкий Н.П.* Материалы по экономике Крыма: экспортные возможности края. М., 1926.

¹⁵ *Абдураманова С.Н.* Ремесленные центры Крыма: от расцвета к упадку // Культура народов Причерноморья. 2011. № 199. Т. 1. С. 10–13.

мость от посредников, количественный состав мастеров и его учеников), технологические (инструменты, сырье) аспекты ремесленного производства.

Работы этнографического характера, в частности, труды путешественников и исследователей Крыма Б.А. Куфтина¹⁶, И.В. Ачкинази¹⁷, а также крымско-татарские пословицы и поговорки, песни, собранные в начале XX в.¹⁸, содержат важные сведения о социально-бытовой (продолжительность рабочего дня, использование наемного труда, условия быта, повседневность ремесленников) и традиционно-обрядовой (компоненты профессионального костюма, связанные с мастерами-обувщиками, использование обуви и поясного одеяния в обрядности, отношение к мастерам со стороны общества) специфике сапожного ремесла.

В.А. Гордлевский

В.А. Гордлевский родился 25 сентября (7 октября по новому стилю) 1876 г. в Свеаборге (Финляндия). По окончании с серебряной медалью Александровской гимназии в Гельсингфорсе он продолжил обучение на историко-филологическом факультете Московского университета и в Лазаревском институте восточных языков¹⁹. В 1904 г. он совершил первую поездку в Крым и в Османскую империю с практической целью познакомиться с турецкими наречиями и фольклором. В целом, в рамках подготовки к профессорскому званию в Лазаревском институте в течение 1904–1907 гг. он стажировался в Османской империи (Стамбуле), некоторое время жил в Сирии, слушал лекции в парижском Коллеж де Франс. Именно с этого времени в его научной деятельности прослеживается интерес к фольклору, истории и традиционному быту как османов, так и крымских татар. В 1911 г. он успешно сдал магистерский экзамен и в 1916 г. получил звание экстраординарного профессора в Лазаревском институте восточных языков²⁰. До 1918 г. В.А. Гордлевский

¹⁶ Куфтин Б.А. Южнобережные татары Крыма // Крым. 1925. № 1. С. 22–31.

¹⁷ Ачкинази И.В. Знаковые элементы традиционной одежды крымчаков XIX–XX вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2002. Вып. 9. С. 599–608.

¹⁸ Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурасов О. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 52. С. 1–67; Архив РАН Ф. 688. Оп. 2. Д. 46. Л. 1–2; Д. 48. Л. 1–3; Chatskaya O. Chansons tatars de Crimée, recueillies et traduites / introduction N. K. Dmitriev // Journal Asiatique recueil de mémoires et de notices relatifs aux études orientales publié la Société Asiatique. Paris, 1928. Vol. 208. № 2. P. 341–369; Dmitrijev N. K. Einige krim-tatarische Lieder // Wiener zeitschrift für die kunde des morgenlandes. Wien, 1933. Bd. 40. P. 125–137.

¹⁹ Бертельс Е.Э. Владимир Александрович Гордлевский // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию: сб. ст. М., 1953. С. 5.

²⁰ Архив РАН. Ф. 688. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–9.

преподавал турецкий язык и историю турецкой литературы в Лазаревском институте, который позднее был реорганизован в Московский институт востоковедения, с 1918 г. – занимал должность профессора Переднеазиатского института. С 1925 по 1929 гг. – профессор Московского государственного университета, преподавал также на восточном факультете Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе. В 1934 г. получил степень доктора литературоведения, в 1946 г. был избран академиком Академии наук СССР.

Фото 1. Востоковед, тюрколог В. А. Гордлевский (1876–1956)
Photo 1. Orientalist, Turkologist V.A. Gordlevsky (1876–1956)

Источник: Гордлевский В. А. Государство сельджукидов Малой Азии // Избранные сочинения. Исторические работы. М.: Издательство восточной литературы, 1960. Т. I. Фронтиспис.

Научные изыскания В.А. Гордлевского, в том числе и крымоведческие этнографические исследования, были высоко оценены как отечественными, так и зарубежными учеными и получили известность далеко за пределами России – СССР. В западноевропейской историографии В.А. Гордлевский справедливо назывался ведущим среди немногочислен-

ных в то время этнографов-крымоведов²¹. Богатое рукописное и опубликованное крымоведческое наследие ученого остается еще малоизвестным. Вместе с тем для многих специалистов оно имеет несомненную научную ценность. Изучение трудов В.А. Гордлевского, посвященных специфике цехового устройства крымских ремесленников и их традиционно-бытовой культуре, позволяет ввести в научный оборот ценные сведения по истории и этнографии Крыма.

Цеховая организация крымско-татарских мастеров

Известная крымско-татарская пословица гласит: «Зенаат ельде алтун билезик» – Ремесло – золотой браслет на руке²². Несмотря на прикладной и повседневный характер ремесленного изделия из кожи, в частности, различных типов традиционной обуви, в нем всегда чувствуется творческое и художественное начало мастера. Это кропотливый трудоемкий процесс, требующий от ремесленника терпения и усилий, так как время, отводимое на пошив обуви, несомненно, зависело от качественной предварительной обработки сырья, умения мастера и его учеников обращаться с разными сортами кожи, знания основ раскроя каждой детали в зависимости от формы и вида образцов, способа их декорирования.

На Крымском полуострове ремесленными центрами изготовления сафьяна и качественной кожаной обуви конца XVIII – начала XX в. считались города предгорья и степи. Прежде всего – Бахчисарай, Карасубазар (центр бейлика Ширинских, ныне – Белогорск), Симферополь и Евпатория (портовый город). Сапожники и кожевники из этих городов почти полностью обеспечивали потребности крымских жителей как красным, желтым, реже черным и коричневым качественным сафьяном собственного производства, так и готовыми изделиями различной сшитой кожаной обуви²³.

---

²¹ *Menzel T.* Russische Arbeiten über turkische litteratur und Folkloristik: Gordlewski, Zavarin, Olesnjicki // *Der Islam*. 1913. Bd. 4. P. 123–136; *Menzel T.* Über die Werke des russischen Turkologen Samojlovič // *Archiv orientální*. Praha, 1929. Vol. 1. № 2. P. 209–234; *Menzel T.* Über die Werke des russischen arabisten Kračkovskij // *Archiv orientální*. Praha, 1930. Vol. 2. № 1. P. 54–86.

²² *Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурасов О.* Пословицы, поговорки и приметы крымских татар // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1915. № 52. С. 50.

²³ *Ракицкий Н.П.* Материалы по экономике Крыма: экспортные возможности края. М., 1926. С. 35, 37, 44; *Паллас П. С.* Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. СПб., 1795. С. 55, 59; *Кокизов Ю. Д.* Караимы: краткий исторический очерк. СПб., 1898. С. 23; *Домбровский Ф.* Историко-статистический очерк г. Бахчисарая // *Новороссийский календарь на 1849 год*. Одесса, 1848. С. 394; *Guthrie M.* Through Russia:

Кожаная обувь как неотъемлемая часть традиционного костюма в Крыму имела важное значение для многих жителей региона, она определяла социальный статус людей, их поло-возрастную дифференциацию, отражала этические и эстетические предпочтения, она была наделена магическими свойствами, играла роль своеобразного оберега, использовалась в обрядах жизненного цикла. Среди особенностей, связанных с использованием различных типов традиционной обуви, выделим следующие.

1. Согласно системе традиционных представлений тюркоязычного населения Крыма обувь при соприкосновении с землей и контакте через нее с потусторонней силой воспринималась обычно как сакрально нечистый элемент костюма, что, вероятно, послужило причиной возникновения ряда запретов, связанных с этим компонентом одежды. Во-первых, обувь не носили внутри архитектурных сооружений, предназначенных для совершения богослужений и религиозных обрядов (мечеть для крымских татар, кенасса (вторая часть для мужчин «шулхан») – у крымских караимов, кьаал – у крымчаков); в общественно-религиозных школах (мидраш, мектебе), а также часто и внутри собственных домов, так как их жители оставались обычно босиком или ходили по дому в носках «чорап», а обувь оставляли у порога перед входом в комнату. Во-вторых, для человека считалось сильным оскорблением, если в него намеренно бросали ботинок. В-третьих, нельзя было переворачивать туфли подошвой вверх, считалось, что на них присутствует нечистая сила, которая может сглазить носителя. Обувь также не клали в могилы покойного (крымчаки), не встречается она и в перечне брачных договоров «шеттар» у крымских караимов²⁴.

2. Вместе с тем кожаную обувь использовали и как оберег от сглаза и болезней. Хозяйки (крымские татары) привязывали старый ботинок «катыр» на шею скоту, особенно коровам, которые давали много молока, чтобы сохранить их от завистливого сглаза соседей. Если ребенок (в возрасте до трех лет) у крымчаков долго плакал, тогда, чтобы его успокоить, необходимо было слегка прикоснуться к его губам домашней туфлей «папуч»²⁵.

---

from St. Petersburg to Astrakhan and the Crimea: in 2 vol. London: Hurst and Blackett, 1874. Vol. 2. P. 202–203.

²⁴ *Ачкинази И.В.* Погребальный обряд крымчаков // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. 3. С. 194–195; Куфтин Б.А.* Южнобережные татары Крыма // *Крым. 1925. № 1. С. 26; Гермоген.* Таврическая епархия. Псков, 1887. С. 110;

²⁵ *Качиони С.А.* В дебрях Крыма. Пг., 1917. С. 124; *Ачкинази И. В.* Знаковые элементы традиционной одежды крымчаков XIX–XX вв. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2002. Вып. 9. С. 603.*

Поэтому отношение к традиционной обуви и ремесленнику, который ее создавал, было особенным и сакральным.

В Крыму городские ремесленники в соответствии с профессиональной специализацией, местом происхождения, этнической принадлежностью группировались в религиозно-ремесленные объединения – цеховые союзы «эснаф»²⁶. Как правило, мастера почти полностью обеспечивали необходимыми изделиями собственные общины.

Традиционно все жизненно важные социальные связи в ремесленном сообществе были основаны на обоюдном соглашении сторон, порядок поддерживался на правах коллегиальности и внутренней автономии, без открытого вмешательства центральных и местных властей. Совместно выработанные правила ремесленников фиксировались обычно в особых уставах, которые в Крыму назывались «селеф-намэ». В таких документах была четко указана иерархия, которой строго придерживались. Высшим должностным лицом, верховным духовным наставником и главой всех цеховых ремесленников в каждом городе являлся «накыб». Так, у «накыба» цеха сапожников из Карасубазара хранились цеховой устав, свитки с легендарной историей происхождения профильного ремесла, о пире-покровителе. Это звание было наследственным, считалось, что его могли получить только потомки Пророка Мухаммеда. Верховному главе цехов принадлежало право высшего суда²⁷.

Широкими полномочиями обладали цеховые старшины или главные мастера «уста-баши». Это была высокая и почетная должность, заслужить которую было непросто. Далее следовал главный подмастерья «кьалфа-баши». Ему обычно помогал второй подмастерья или глава молодых учеников «игит-баши». «Уста-баши» и «игит-баши» руководили приемом учеников, посвящением их в мастера, регулировали размеры производства и цены на продукцию. Ремесленники, выполнявшие роль наблюдателей, выявлявшие нарушителей устава, назывались «чауши», они были глашатаями и посредниками между главой мастеров и другими представителями цеха. Последнюю ступень занимали все мастера «уста», подмастерья «кьалфа» и ученики «шекирд».

Согласно уставу, регламентировавшему деятельность цеховой ремесленной организации, традиционно среди различных ремесленников весьма

---

²⁶ Гордлевский В.А. Государство сельджукидов Малой Азии // Гордлевский В.А. Избр. соч. М., 1960. Т. 1. С. 131.

²⁷ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар: Из поездки в Карасубазар // Труды Этнографо-археологического музея этнологического факультета Первого московского государственного университета. М., 1928. Вып. 4: Быт. С. 61, 63–64.

почитаемыми были кожевники и башмачники. Поэтому заниматься подобной ремесленной деятельностью могли сначала только мусульмане. И лишь на определенные этапы трудоемкого процесса изготовления традиционной обуви могли допускаться представители других этносов и конфессий (иноверцы) (крымские караимы (дубильщики), крымчаки, евреи (резники, башмачники); армяне, греки, русские, украинцы («гёнджю», они обрабатывали воловью кожу для подошвы). Как выяснил В.А. Гордлевский, в Карасубазаре во второй половине XIX в. было 70 мастеров-сапожников, из них – 50 мусульман, 15 крымчаков, 5 христиан²⁸.

Согласно мировоззренческим представлениям и легендарной традиции крымских татар, ремесло имело божественное происхождение (духовное покровительство), поэтому в каждом цехе были свои покровители – святые основоположники, пиры²⁹. В целом, цехи Малой Азии были подчинены духовному центру ремесленников – текке/завии (обитель, странноприимный дом), расположенному в г. Кыршехире (152 км к юго-востоку от г. Анкары). Это текке принадлежало тюркскому суфию Ахи Эврану XIII в., похороненному там же. Настоящее имя мыслителя – Насреддин Абул Хакайык Махмуд бин Ахмет (1172–1261), который считался покровителем кожевников и еще 32-х различных специальностей и ремесел в Малой Азии. Его последователи имели огромное влияние за пределами региона, в частности, в Крыму и Центральной Азии. Известно также, что среди крымских ремесленников почитался легендарный прототип, его одноименный покровитель, пир цеха кожевников, шорников, сапожников, дубильщиков змеборец шейх Ахи Эвран, живший в VII в. Его имя означало следующее. «Ахи» определялось принадлежностью к братству ахи, «Эвран» – это прозвище, которое получил от пророка шейх Махмуд – сын Аббаса (дяди Пророка Мухаммеда). Данное прозвище ведет свое начало от культа змеи или дракона, которого победил султан. Легенда гласит, что он также лично получил знамя из рук Пророка, женился на дочери Али Рукие, ему было дано разрешение руководить 32-мя ремесленными цехами³⁰.

Обладая широкими полномочиями и имея огромный авторитет от текке из Кершехира, в каждом ремесленном центре-регионе назначался представитель из этой обители «ахи-баба» – один из верховных руководителей

²⁸ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар... С. 63.

²⁹ Гордлевский В.А. Из жизни цехов в Турции: к истории «ахи» // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. 1927. Т. II. Вып. 2. С. 236.

³⁰ Гордлевский В.А. Дервиши Ахи Эврана и цехи в Турции // Известия Академии наук СССР. 1927. Т. 21. Вып. 7. С. 1176.

цехов, почтенный мастер, который был посредником между населением и властью, он даже мог находиться во главе городского управления³¹.

В средневековье шейхи братства ахи разработали устав о моральном поведении и обрядности ремесленно-религиозных цеховых орденов «футтува». Отметим, что именно багдадский халиф Абуль-Аббас Ахмад ан-Насир Лидиниллах (1158–1225) из династии Аббасидов реформировал их, взял под свой контроль, создав новый орден и лично возглавив его. Приглашая всех мусульманских правителей, признававших его сюзереном, вступить в этот новый орден, правитель создавал таким путем дополнительные звенья подчинения халифату. При этом была разработана особая церемония посвящения, где элементы костюма имели важнейшее значение.

Согласно легенде при посвящении сельджукского султана Изеддина Кейкавуса I в данный ремесленный орден халиф лично пожаловал ему «шаровары целомудренной чистоты» и «плащ доблести», «футтувет-наме» (устав) и «грамоту разрешительную на власть».

Отметим, что шаровары выступали официальной поясной одеждой и были эмблемой братства ахи, которую лично установил в Багдаде халиф Насир. Этот элемент одежды превратился в герб, каждый член братства ахи изображал его на своем оружии вместе с чашей³².

Таким образом, ахи стали патронами и шейхами цеха в Малой Азии, они охраняли интересы ремесленников и цеховых организаций³³. Данное братство со временем вышло за пределы Малой Азии. В Крыму оно появилось со времен походов турок-сельджуков в XIII в. По сведениям В.А. Гордлевского, известно, что средневековый арабский путешественник и купец Ибн Баттута, посетив Северное Причерноморье, находил в XIV в. на надгробиях Азова и Старого Крыма упоминания об ахи. Он также отмечал, что представителей этого братства в Крыму выделяли особые элементы костюма: в отличие от суфиев (дервишей), у которых основным элементом одежды была наплечная куртка «хырха», ахи носили на талии шаровары «туман» и на голове – белый калпак. По мнению востоковеда,

³¹ Гордлевский В.А. Государство сельджукидов Малой Азии // Гордлевский В.А. Избр. соч. М., 1960. Т. 1. С. 153, 202.

³² Гордлевский В.А. Дервиши Ахи Эврана и цехи в Турции... С. 1182; *Arnakis G. G. Futuwwa Traditions in the Ottoman Empire: Akhis, Bektashi Dervishes, and Craftsmen // Journal of Near Eastern Studies. 1953. № 12. P. 233–239; Yildirim R. Shī'itisation of the Futuwwa Tradition in the Fifteenth Century // British Journal of Middle Eastern Studies. 2013. Т. 40. № 1. P. 54–60.*

³³ Гордлевский В.А. Государство сельджукидов Малой Азии... С. 135, 142; *Yildirim O. Ottoman Guilds in the Early Modern Era // International Review of Social History. 2008. № 53. P. 77.*

с XVIII в. здесь также распространились специальные «дестаны»³⁴ об ахи. Кроме того, шейхи текке Ахи Эврана из Кершихира совершали миссионерские поездки в Крым даже во второй половине XIX в. Однако позже им был запрещен въезд на территорию Российской империи, поэтому вековая ремесленная и сакральная связь между Крымским полуостровом и Малой Азией была прервана³⁵.

Посвящение в мастера «реван»

Когда число непосвященных мастеров в цехе увеличивалось до определенного количества, тогда «уста-баши» созывал к себе всех мастеров и они назначали на совете «лонджу» дату проведения посвящения в мастера «реван» (Карасубазар), реже «кефериш» (Бахчисарай), которая выпадала обычно на летнее время года (июнь). Данное торжество продолжалось несколько дней, устраивались скачки, борьба «куреш» и танцы. В зависимости от необходимого числа будущих мастеров происходило это событие традиционно один раз в 10, 15 или 25 лет. Поэтому такому редкому торжественному дню придавали огромное значение. Слово «реван» буквально означало «ищущий высшего звания», «открытие пути» или «разрешение к свободе», оно заключало в себе религиозно-суфийский смысл и начиналось только после одобрения «накыба».

В начале посвящения крымско-татарским ремесленникам и гостям мулла читал молитву, обращенную к святым покровителям ремесел, затем все отправлялись за город, к реке или в сад, где происходило главное действие. После обеда начиналась торжественная часть мероприятия. В центре, на площадке, находился «накыб», с левой, почетной стороны от него, располагался ряд «уста-баши», начиная с земледельцев, башмачников и так далее до наименее почетного банщика (всего 36). Справа ряд с «уста-баши» начинался с кожевенного цеха, затем были цирюльники, ткачи и так далее до двух представителей «полуремесел» – костоправов и повивальных бабок (всего 36). Будущие «усталар» стояли в том же порядке, стройными рядами. Таким образом, были представлены все 72 вида ремесленной деятельности. Возле своих цехов располагались знаменосцы, каждый был со своим знаменем-санджаком.

---

³⁴ Дестаны – народные эпические произведения в фольклоре или литературе о мифах, героические поэмы.

³⁵ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов Малой Азии... С. 141; *Он же.* Дервиши Ахи Эврана и цехи в Турции... С. 1185.

На этом празднике были распространены обряды и ритуалы, связанные непосредственно с элементами поясной одежды (фартук, шаровары) и обувью. Так, мулла во время церемонии снимал туфли «терлик» и босиком проводил новых мастеров к «накыбу»³⁶. В начале посвящения фартук «пештамал» (длинный плат) будущих мастеров спускался вниз с правого плеча. После всеобщего молебна каждый из них поочередно выходил из ряда и подходил к «накыбу», отвечал на ряд заданных им традиционных вопросов, после чего «сер-чешме» шептал испытываемому на ухо древний традиционный завет: «Никогда не закрывай своей двери, никогда не открывай чужой и работой столько, сколько достаточно для твоей жизни». Затем он давал сигнал для целования новым мастером руки «накыба». Последний трижды произносил «величание» («текбир»), предварительно обертывая «пештамал» три раза вокруг стана посвященного, повязывая его на три символических узла: согласно формуле «тахлиль», первый узел указывал на единство Бога, второй – на пророка Мухаммеда, третий – на архангела Джибраила (Гавриила), принесшего «шедд» (пояс) из рая. «Одна рука мастера – здесь, – наставлял “накыб” при повязывании фартука, а другая – там». Такими словами он сочетал во вновь посвященном мастере стремление к земному труду и к духовному миру³⁷. В фартуке мастера ходили почти целый день.

Данный обряд опоясывания при посвящении ремесленников в Турции назывался «пештамал кушатма», в Крыму – «шеддом». Он означал, что подмастерье выходил на уровень мастера («уста чыкмак») и становился полноправным членом цеха. Позже после молитвы «ашыр» (небольшого отрывка из Корана) произносилась другая особая молитва, во время которой «накыб» снова поочередно развязывал у бывших «кьалфа» их «шедд», снова перекидывая фартук «пештамал» теперь уже через их левое плечо³⁸. После этого обряда развязывания фартука «усталар» считались уже полностью посвященными мастерами «реванлы», они собирались отдельно и начинали праздновать.

---

³⁶ Дудоров П. Крым и крымские татары: очерк с рисунками. М., 1911. С. 10, 23, 50; Домбровский Ф.М. Реван, крымско-татарский обычай // Таврические губернские ведомости. 28 июля 1862.

³⁷ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасубазар... С. 58, 61.

³⁸ Гордлевский В.А. Из жизни цехов в Турции: к истории «ахи» // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. 1927. Т. II. Вып. 2. С. 239; Архив РАН. Ф. 688. Оп. 4. Д. 257. Л. 1; Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасубазар... С. 62.

Таким образом, праздник-экзамен «реван» был важной составляющей ремесленной культуры крымских «усталар», он выступал итогом длительного учения и признания мастерства, где при посвящении огромное символическое значение имели обрядовые элементы поясной одежды, подтверждающие факт инициации и перехода ремесленника в новый желаемый и высший статус от подмастерья к мастеру как полноценному члену цеховой организации.

Особенности ремесленной жизни и быта крымских татар в статусе ученика–подмастерья–мастера

Чтобы достичь и сохранить за собой статус мастера, крымско-татарскому ремесленнику необходимо было выполнить ряд условий, которые выдвигал цех. Одним из первых считался высокий уровень квалификации ремесленника. Претендент на это звание должен был быть посвященным «реванлы».

Чтобы стать мастером, «кьалфа» должны были иметь высокую квалификацию, пройти курс ученичества в данном виде ремесла, быть законнорожденными, иметь хорошую репутацию. Поэтому в профессиональном отношении цеховые подмастерья были вполне подготовлены к самостоятельной деятельности.

Другим условием поддержания авторитетного будущего или действующего статуса мастера являлось наличие у него исходного имущества: рабочих инструментов, иногда сырья, денежных средств, чтобы он мог выполнять принятые в его кругу обязательства, считаться «хорошим человеком», поддерживать свою репутацию. Например, если кто-то из мастеров, учеников заболел или умирал либо требовалось оказать кому-то помощь, то «уста-баши» звал посредника «чауша» к себе и снимал со стены специальную доску с отверстием, висевшую постоянно около станка. Далее «чауш» выкрикивал: «Пирин эшкына!» (Пожертвуйте «из любви к пиру»). После этого призыва он обходил мастерские своего цеха с доской, куда ему бросали деньги для потребностей нуждающегося. После такого обхода «уста-баши» также благодарил посредника, отделяя ему часть денег «аяк кирасы» («наемную плату за ноги») за сбор данного пожертвования³⁹. Такая жертвенность и общая благотворительность были важными элементами в ремесленной культуре Крыма, выступали определяющими ценност-

---

³⁹ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасу-базар... С. 63; Yildirim O. Ottoman Guilds in the Early Modern Era // *International Review of Social History*. 2008. №. 53. P. 76–77.

ными ориентирами в традиционном обществе, они давали ощущение защищенности, уверенности и поддержки внутри трудового коллектива.

Третьим важным условием для мастера являлась его хорошая репутация: добропорядочность, честность, наличие добродетели, которые обычно удостоверялись документами, рекомендациями его учителя-мастера или устными свидетельствами коллег. Требования четко соблюдать традиционные правила создания продукции, изготавливать эталонные изделия, не допускать брака, подделки или использования недоброкачественного сырья были важными предписаниями в работе ремесленника.

Очевидно, что цех обувщиков запрещал работать ночью и в праздничные дни, браться за невыполнимые по объемам и срокам заказы, работать одновременно на двух или более заказчиков, приглашать в помощь посторонних и вообще необученных людей, поручать сложную работу подмастерьям, которые могли не справиться с ней и испортить заказ. Авторитет, статус мастера и его цеха подчеркивался тем, что на товаре должно было быть личное клеймо «уста», которое он мог ставить только после посвящения «рewan». Клеймом мастер отмечал и маркировал свои качественные изделия, тем самым поддерживал свою безупречную репутацию ремесленника высшей категории. В случае недоразумений, претензий покупателя или заказчика к изготовителю, они могли обращаться с жалобой на мастера, чье клеймо было поставлено на изделии, в его профильный цех, который защищал интересы как производителей, так и потребителей товара, что способствовало благоприятным условиям развития ремесла. Поэтому достоинство ремесленника и его значимость измерялись трудом, качеством и количеством выполненной им работы⁴⁰.

В крымской цеховой организации уделялось особое внимание обучению ремесленника, которое длилось в течение строго оговоренного времени. По сообщению В.А. Гордлевского, когда отдавали мальчика в ученики к мастеру, его отец как бы уступал права на сына ремесленнику. Причем в исключительных случаях в качестве одного из вспомогательных методов воспитания будущего ученика родитель допускал справедливые и осознанные телесные наказания для нарушителя порядка и дисциплины, но без увечий, ведь наказание не должно было вредить ни физическому, ни психическому здоровью сына. При этом отец ученика произносил традиционную

---

⁴⁰ Гордлевский В.А. Государство сельджукидов Малой Азии... С. 165; Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурашов О. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 52. С. 29–30.

фразу, закреплявшую данные права хозяина мастерской над его ребенком: «Кемиги мени, ети сени» – Кости мои, а мясо твое⁴¹.

Процесс обучения ремесленников, в частности крымско-татарских сапожников городского цехового сообщества, имел свои специфические особенности. Мальчиков обычно отдавали мастеру с семилетнего возраста. Ученик в течение нескольких лет постепенно осваивал все этапы производства обуви (подготовка сырья, замеры и раскрой деталей, покраска кожи, овладение техниками соединения элементов и т.д.). В среднем срок обучения длился 1001 день («бин бир гюню долдурмак») или равнялся 2 годам и 9 месяцам. Если ученику давалось звание подмастерья «къял-фа» раньше, он чаще всего обязательно работал у своего мастера все это время. В данном случае количество дней выбрано не случайно: оно имеет духовное значение и суфийское начало, так как столько же дней длился срок искусства, требуемый от дервиша – члена ордена⁴². Отметим, что этот полуполюгендарный срок ученичества мог изменяться от года до пяти-семи лет, пока мастер не решит, что «шекирд» готов представить свою искусность в изготовлении изделия на суд совета мастеров «лонджа». Для самых умелых учеников это испытание проходило до истечения установленного срока, также время обучения сокращалось и для детей мастеров, которые стремились ускорить процесс обучения. В конце первого срока ученики могли качественно реставрировать ношеную обувь. Пока шло обучение, мастер обязан был обеспечивать учеников жильем, кормить и покупать одежду, подстригать их еженедельно. Нередко к пятнице мастер мог давать ученикам мелкие деньги на сладости⁴³. «Шекирд» также имел свое место за общим обеденным столом рядом с остальными работниками мастерской. Итак, мастер лично брал на себя заботу о подростке, о его духовном и профессиональном развитии.

По завершении учебы «шекирд» мог стать подмастерьем. Если мастер видел, что он уже познал основы ремесла, тогда «уста-баши» через посредника «чауша» собирал других мастеров к себе в совет «лонджу» на испытание данного ученика. При этом происходило угощение «кебабом» (если своего ученика выдвигал сам мастер, то и угощал лично, а если была естественная «выслуга срока», то угощение организовывал испытуемый

---

⁴¹ Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурашов О. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 52. С. 51; Гордлевский В. А. Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасубазар... С. 57.

⁴² Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасубазар... С. 58.

⁴³ Там же.

ученик или его родители). В случае, если другие мастера на собрании подтверждали, что изделие ученика качественное, тогда его «уста» давал свое разрешение «дестюр», а сам ученик целовал руку мастеру в знак благодарности. Затем его «уста» оценивал вещь и определял, насколько искусно она сделана, чтобы выставить ее на аукцион.

Если вещь с аукциона покупалась другим мастером, который предлагал за нее наибольшую цену, то ученик, получив уже звание подмастерья «кьалфа», мог перейти к этому мастеру, к своему новому хозяину. Однако бывали случаи, что подготовленное изделие невысоко оценивали другие «уста», тогда ученик оставался у прежнего мастера и его также повышали до статуса подмастерья. Во время этого мероприятия хозяин-мастер произносил пожелания и наставления для своих учеников: «Алла ишин кола[й] гетирсин, топрак тутсан, алтын олсун, Алла ишин он гетирсин!» («Пусть Аллах облегчит твою работу; если бы ты взял землю, – да будет она золотом, да подаст Аллах удачу тебе в деле!»)⁴⁴.

Таким образом, обычно к 10–14 годам ученики становились подмастерьями «кьалфа». Им начинали выплачивать ежемесячную заработную плату, которая была в два раза выше, чем та, которую они получали за весь год обучения в первом периоде подготовки. Кроме того, за ремонт обуви, который подмастерья уже делали на заказ с разрешения своего мастера, они могли дополнительно получать собственный доход. На подмастерья также учились минимум три года, но для детей мастеров этот срок мог сокращаться до 1,5 лет.

После обучения подмастерья «кьалфа» также предоставлял мастеру самое лучшее образцовое изделие «шедевр». Если он одобрял его, тогда совет мастеров во главе «уста-баши» зачисляли его в разряд мастеров, который еще не был полноправным членом цеха «ревансыз», так как не прошел обряд посвящения. Если мастер по своему усмотрению решил не отпускать «кьалфу», тогда подмастерье со своим изделием мог обратиться в совет напрямую к главе цеха, где все «усталар» решали, достоин ли он звания мастера или еще не готов приобрести этот статус. После предоставления изделия-шедевра и одобрения совета мастеров новый «уста» мог открывать торговую лавку или мастерскую, но как непосвященный, он еще не имел права брать к себе учеников или подмастерьев. Лишь в порядке исключения, когда «шекирд» или «кьалфа», искавшие себе нового мастера, не находили его среди посвященных, тогда глава цеха направлял их к «ре-

---

⁴⁴ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар... С. 57–58.

вансыз»⁴⁵. Очевидно, таким образом, сохранялся баланс между спросом и предложением квалифицированной рабочей силы.

Ремесленники, которые занимались изготовлением традиционной обуви, жили и работали семьями, имели свои мастерские и торговые лавки, которые веками сохраняли традиционные патриархальные черты. Элементы современных действующих экспозиций в Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике, изобразительные материалы (полихромные литографии и гравюры, черно-белые фото-открытки конца XIX – начала XX в.), а также свидетельства путешественников и очевидцев того периода дают возможность изучить интерьер мастерской обувщика, исследовать функциональные особенности хозяйственного помещения и рабочие инструменты мастера⁴⁶.

По описанию В.А. Гордлевского, в центре рабочего помещения мастерской находилось большое окно, где сидели подмастерья и ученики, а ближе к стене, но значительно ниже, располагалось небольшое окошко, где находился сам мастер⁴⁷. Эти окна не пропускали достаточно света, поэтому во время сумерек и облачной погоды часто приходилось использовать лучины и лампы. В результате часто слабое освещение и недостаток свежего воздуха существенно отражались на здоровье ремесленников. Для оборудования лавки или мастерской обувщика необходимо было изготовить мебель (стол и стул для работы), закупить различные ручные инструменты: деревянный пресс «мушта», металлические тиски «джильде», сапожные деревянные и металлические молотки «чьокюч» (для сжатия и выравнивания поверхностей и оформления перфораций (отверстий) и раскройные ножи односторонней и двусторонней заточки «пычакъ» (для нарезания кожи и шерфования), шила «биз», нитки «йип» и иглы «ине»/«йине» (для соединения деталей), шлифовальные и лощильные инструменты (деревянные полированные палки «ачкан-агъач»), деревянные колодки разных размеров, кожаные стельки «табанлыкъ» для обуви, картонные шаблоны для создания подошвы «табан», инструменты для дерева – «морперч», «приве кескичлер» и другие. Также для работы были необходимы гвозди, смола, воск, сапожный клей. В соответствии с конкретным

---

⁴⁵ Гордлевский В. А. Организация цехов у крымских татар... С. 58.

⁴⁶ Geissler J.G.G. *Abbildung und Beschreibung der Voelkerstämme und Voelker unter des Russischen Kaisers Alexander*. Leipzig: Industrie-Comptoir, 1803; Guthrie M. *Through Russia: From St. Petersburg to Astrakhan and the Crimea*. London: Hurst and Blackett, 1874. Vol. 2.

⁴⁷ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар... С. 62.

типом обуви (ботинки, туфли и т.д.) крымские ремесленники использовали сплошные затяжные или выпиленные клином обувные колодки⁴⁸.

Рабочий день ремесленника, как правило, длился восемь часов, о чем свидетельствует крымско-татарская пословица «Секит саат уйку, секит саат иш, секит саат ибадет» – 8 часов сна, 8 часов работы, 8 часов служения Богу. Как отмечают исследователи, ремесленники не могли сознательно «укорачивать» рабочий день, они отдыхали обычно по праздникам, в ярмарочные и базарные дни, также часто после обеда они могли торговать в лавках и не заниматься изготовлением изделий. В народном фольклоре отражено особое отношение к своему труду: «Акшам исе, сабах исе дур» – Если вечер – ложись, если утро – вставай; к лени и безделью: «Ахшамын иши сабаха калдырма» – Не откладывай до утра того, что нужно сделать вечером⁴⁹.

Вечером, когда ученики и подмастерья заканчивали работать, они могли уходить домой, но утром они снова должны были быть на месте к открытию мастерской.

Авторитет старшего в трехчастной триаде ученик – подмастерье – мастер был огромным. С первых дней ученикам прививалось чувство долга, почитания и уважения к мастеру, принадлежности к своему цеху и к изготавливаемой качественной продукции, соблюдению вековых традиций. Обычно говорили: «Карт сузин тутмаган картайгагы онгмас» – Непоступающий по словам стариков до старости не будет удачливым⁵⁰.

Цехи оказывали экономическую помощь государству, они были официально зарегистрированными организациями и платили налоги в казну. Тесные торговые взаимоотношения между ремесленниками – производителями товаров и продавцами особенно способствовали экономическому развитию и культурному обмену между населением края. Морские порты, специализированные ремесленные ряды, городские базары (торговым днем была пятница), постоянные дворы «таш-хан», а также различные ярмарки

---

⁴⁸ Пресс деревянный для обработки обуви. Фонды ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурного и археологического музей-заповедник», Бахчисарай. Отдел «История». Группа «Кожа–дерево–кость», КП 6671 / Инв. № КДК 247; Нож раскройный [сапожный инструмент]. Фонды ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурного и археологического музей-заповедник», Бахчисарай. Отдел «История». Группа «Металл», КП 6621 / Инв. № М 329; Шаблон картонный [для создания подошвы]. Фонды ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурного и археологического музей-заповедник», Бахчисарай. Отдел «История». Группа «Дерево», КП 6686 / Инв. № Д 262.

⁴⁹ Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурасов О. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 52. С. 30; Архив РАН. Ф. 688. Оп. 2. Д. 90. Л. 24–25.

⁵⁰ Там же. С. 33.

стали развитыми и оживленными центрами торговли в Крыму. Основными предметами реализации, связанными с изготовлением и использованием обуви, были местные и импортные товары: кожи, сафьян, овчина, растительные красители и глины, клей (сапожный животного и растительного происхождения), фурнитура и т.д.⁵¹.

Фото 2. Женские туфли «терлик» без задников и каблуков.
Сафьян, кожа. Длина пришивной подошвы – 25,5 см
Photo 2. Women's shoes "terlik" without backs and heels.
Fur, leather. The length of the sewing soles is 25.5 cm

Источник: Фонды ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник», г. Бахчисарай.

Традиционная кожаная обувь – важный сегмент базарной и ярмарочной торговли. Поэтому торговцы обувью «кавафлар» обладали умением ее расхваливать, показать изделия, вести выгодный торг с покупателями. У них в городах были свои специальные торговые ряды «араста». После предварительной закупки сырья у кожевников торговцы заказывали пошив партий различной обуви своим мастерам-обувщикам в цехе, которые работали неподалеку от ряда (в Карасубазаре ремесленники трудились в самом таш-хане или сразу за кофейнями), обычно «у двери», то есть не скрывали работу от заказчиков и своих коллег, чтобы все желающие могли увидеть процесс изготовления обуви. Мастера создавали свои изделия и тут же про-

⁵¹ Гермоген. Таврическая епархия. Псков, 1887. С. 62, 85.

давали своим «кавафлар» через посредников «деллалов» как готовую кожаную обувь, так и детали производства (подошвы, различные заготовки, выкройки, стельки и т.д.). Причем кожевники также продавали свой товар «кавафлар» через этих посредников⁵².

В результате большая часть ремесленников полностью зависела от «кавафлар», от объема именно их заказов на пошив определенного типа обуви и дальнейший сбыт товара через посредников. Степень удовлетворения основных потребностей ремесленников определялась уровнем дохода от своей деятельности. Высокие цены на сырье и неумение эффективно сбывать товар давали возможность скупщикам пользоваться этой ситуацией, ведь многие «деллал» были выходцами из бывших ремесленников, которые получили увечья или не смогли больше продолжать ремесленную деятельность, но были знакомы со спецификой этой деятельности. В связи с этим о бедности ремесленников – изготовителей продукции – свидетельствует также и крымско-татарская пословица: «Дульгерни капустанда мандалы болмас, териджини тону болмас, касапны евинде эти болмас» – На дверях плотника нет запора, у кожевника нет шубы, в доме мясника нет мяса⁵³.

По данным В.А. Гордлевского, богатые обувщики, напротив, могли покупать сырье сразу у кожевников, но продать напрямую торговцам или простым покупателям готовые изделия практически не могли. Для этого они также обращались к скупщикам «деллалам», которые сами предлагали приобрести торговцам в «арасте» уже сшитую обувь. Нарушение договоренности с заказчиком о сроке, цене, качестве товара считалось недопустимым. «Каваф» не разрешалось переходить на другие даже более выгодные торговые точки или места без предупреждения и крайней необходимости. За данное нарушение другие торговцы могли конфисковать его имущество и вернуть назад к предыдущему месту в своем торговом ряду⁵⁴.

Заметим, что наказания и штрафы использовались по отношению к нарушителям порядка и дисциплины, к невоспитанным и нечестным ремесленникам. Самым строгим и нежелательным наказанием за непослушание и лень для учеников было возвращение домой и прекращение дальнейшего обучения до улаживания конфликтной ситуации.

---

⁵² Гордлевский В.А. Государство сельджукидов Малой Азии... С. 131; Абдураманова С.Н. Ремесленные центры Крыма: от расцвета к упадку // Культура народов Причерноморья. 2011. Т. 1. № 199. С. 11.

⁵³ Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурашов О. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 52. С. 49.

⁵⁴ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасу-базар... С. 64.

Большое внимание уделялось форменной одежде ремесленников. Помимо чистоты рабочего места необходимо было обращать внимание на внешний вид мастера или его учеников. Естественно, если они имели неопрятный вид, тогда пропадало желание пользоваться их услугами. Во многих профессиональных объединениях была принята определенная форма рабочей одежды, где тканевый фартук «пештамал» на завязках выступал как главный элемент, который сохранял чистоту основной верхней одежды ремесленника от рабочих загрязнений и был своеобразным знаковым элементом профессионального костюма.

Благодаря плотному материалу «пештамал» имел первоначальный вид долгое время, за ним тщательно ухаживали, его периодически очищали или стирали.

Фартук не вешали рядом с основной одеждой, обычно он размещался на видном месте возле инструментов, подвешенный на крючке или гвозде. В фартуке ходили только в мастерской, за ее пределами носить его было неприличным. Если «шекирд» или «кьалфа» видели на улице в рабочем наряде (повседневная одежда, покрытая длинным фартуком) и без обуви, тогда «уста-баши» в первый раз «бир кат йолсуз» штрафовал сапожную мастерскую (от 50 коп до 2 руб.) и закрывал ее на три дня. Вторичное такое нарушение влекло за собой штраф в двойном размере, к нему также добавлялось и телесное наказание «фалака», когда забывчивым и непослушным ремесленникам назначалось определенное количество ударов палками по пяткам в зависимости от степени нарушения⁵⁵.

Необходимо сказать, что к чистоте и соблюдению санитарных норм относились очень строго. Всю ответственность возлагали на хозяина лавки или мастерской. Если видели, что обувщик и его ученики имели неопрятный вид, а также находили в его помещении грязные тары с водой после шкур, инструменты и т.п., тогда устраивали своеобразный обряд посрамления мастера, связанного также с элементами одежды.

Во-первых, брали его поясную одежду, имеющую обрядовое значение, в данном случае именно шаровары «туман» как знак «целомудренной чистоты» шаровар халифа ан-Насира, символа принадлежности к братству ахи, на них выливали найденную грязную воду и вывешивали их на дереве перед входом в мастерскую для общего осуждения и назидания другим неряшливым ремесленникам. Увидев подобное, соседи и все прохожие при этом смеялись, приговаривая: «Смотрите, на дереве сыворотка». В таком

---

⁵⁵ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасу-базар... С. 62.

случае еще говорили: «Су ер шейн темизлер – ма юз карасыны темизлей-мез» – Вода все моет, только бесчестие не может смыть.

Во-вторых, за невыполнение обязанностей и несоблюдение чистоты, норм и порядка, за некачественный товар и другие серьезные проступки мастера лишали звания и закрывали лавку. Этот процесс сопровождался особой церемонией: приходил посредник «чауш» и, исполняя распоряжение «уста-баши», публично снимал рабочий фартук «пештамал» с мастера-нарушителя, который когда-то ему торжественно повязывали на посвящении, и клал его на станок. При этом «чауш» говорил: «Кафтанын бичильди» («Твой кафтан сшит»), подразумевая, что этого нарушителя лишали почетного статуса, возвращали в подмастерья, и теперь ему снова запрещалось самостоятельно производить обувь, набирать новых учеников, иметь собственную мастерскую⁵⁶.

Значительные штрафы налагались за действия, которые расценивались как проступки против цеховой организации: «нанесение вреда цеху», неподчинение или грубость в отношении его должностных лиц, несоблюдение устава, непорядок на судебно-выборном собрании и неподчинение его решениям, грубость, подслушивание под дверями цехового собрания и сплетни. Поэтому о воспитанности как важной составляющей репутации ремесленника нам также говорят крымско-татарские пословицы: «Едебиеделсизден огрен» – Учись воспитанности у невоспитанного, то есть на его примере; «Ен хайрлы мирас едентир» – Самое лучшее наследство – воспитанность.

Цех наказывал за переманивание подмастерьев, за перекупку товаров или сырья у мастера из своего цеха; за кражу или порчу инструментов коллеги. Также за любую брань или потасовку между мастерами, оскорбления в адрес друг друга, жен и т. д., об этом красноречиво свидетельствует и крымско-татарская пословица: «Дилинги дишлеп айт» – Говори, прикусив язык⁵⁷. Денежные штрафы за подобные нарушения налагались после специального разбирательства (суда) на совете цеховых мастеров и поступали в общую казну цеха.

Выводы

Ремесленная культура, быт, отношение к труду и трудовая мораль не существуют сами по себе. Они всегда являются частью общих этических представлений, норм общественного поведения, прежде всего на повсед-

⁵⁶ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар... С. 63; Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурашов О. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар... С. 34.

⁵⁷ Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурашов О. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар... С. 31, 32; Архив РАН. Ф. 688. Оп. 2. Д. 46. Л. 1–2.

невном уровне, среди своего общества и социальной среды. Повседневные поведенческие нормы, которые господствовали в Крыму среди крымско-татарских ремесленников, были обязательными для каждого, кто не желал опуститься ниже своего социального круга. Их нарушение могло превратить человека в изгоя. Наиболее полное представление о правилах общественного поведения, этике, условиях быта и досуга городских ремесленников дают цеховые уставы, пословицы и поговорки, а также сведения ученых и краеведов, которые в своих трудах зафиксировали особенности ремесленной жизни Крыма конца XVIII – начала XX в. Наиболее содержательным из научных изысканий по данной проблеме выступает научное наследие известного востоковеда-тюрколога В.А. Гордлевского, дошедшее до нас не только в опубликованном, но и в рукописном виде. Разработки ученого позволяют создать комплексное представление о поведенческих принципах развитой ремесленной культуры в регионе.

© Непомнящий А.А., Грушецкая В.А., 2018

Рукопись поступила: 8 июня 2018 г.

Submitted: 8 June 2018

References

- Abduramanova, S.N. “Remeslennye centry Kryma: ot rascveta k upadku.” [The craft centres of the Crimea: from prosperity to decline] *Kul'tura narodov Prichernomor'ja* [Culture of the peoples of the Black Sea] 1, no. 199 (2011): 10–13 (in Russian).
- Achkinazi, I.V. “Pogrebalnyy obryad krymchakov.” [Funeral rites of Krymchaks] In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archeology, history and ethnography of Tavria], 193–198. Vol. 3. Simferopol: Tavriya Publ., 1993 (in Russian).
- “Znakovye elementy tradicionnoy odezhdy krymchakov XIX–XX vv.” [Symbolic elements of traditional clothing Krymchaks of the 19th – 20th centuries] *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archeology, history and ethnography of Tavria], 599–608. Vol. 9. Simferopol: Tavriya Publ., 2002 (in Russian).
- Arnakis, G.G. “Futuwwa Traditions in the Ottoman Empire: Akhis, Bektashi Dervishes, and Craftsmen.” *Journal of Near Eastern Studies*, no 12 (1953): 232–247. <https://doi.org/10.1086/371156>
- Baskakov, N.A. “Iz pisem A. E. Krymskogo k V.A. Gordlevskomu.” [From the letters of A.E. Krymsky to V. A. Gordlevsky] *Türkologiya* [Turkology], no 2/4 (2006): 3–18 (in Russian).
- Baziyanc, A.P. *Vladimir Aleksandrovich Gordlevskiy. Seriya: Russkie puteshestvenniki i vostokovedy*. Moscow: Nauka Publ, 1979 (in Russian).
- Bertel's, E.Je. “Vladimir Aleksandrovich Gordlevskiy.” *Akademiku Vladimiru Aleksandrovichu Gordlevskomu k ego semidesyatipyatiletiiyu: sb. st.* [To Academician Vlad-

- dimir Alexandrovich Gordlevsky to his seventy-fifth birthday: collection of articles]. Vol. 5. Moscow: AN SSSR Publ, 1953 (in Russian).
- Akademiku Vladimiru Aleksandrovichu Gordlevskomu k ego semidesyatipyatiletiiyu: sbornik statey* [To Academician Vladimir Alexandrovich Gordlevsky to his seventy-fifth birthday: collection of articles]. Moscow: AN SSSR Publ, 1953 (in Russian).
- Bibliografiya pechatnykh trudov chlena-korrespondenta AN SSSR professor V.A. Gordlevskogo: k 70-letiyu so dnya rozhdeniya* [Bibliography of published works of corresponding member of the USSR Academy of Sciences professor V. A. Gordlevsky: to the 70th anniversary of his birth]. Moscow: Moskovskiy institut vostokovedeniya Publ., 1946 (in Russian).
- Bodaninskiy, A.A., Martino E.L., and Murasov O. “Posloviцы, pogovorki i primety krymskikh tatar.” [Proverbs, sayings and signs of the Crimean Tatars] In *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii* [Proceedings of the Taurida Academic Archive Commission], no. 52 (1915): 1–67 (in Russian).
- Chatskaya, O. “Chansons tatares de Crimée, recueillies et traduites.” *Journal Asiatique recueil de mémoires et de notices relatifs aux études orientales publié la Société Asiatique* 208, no. 2 (1928): 341–369 (in French).
- Dmitrijev, N.K. “Einige krim-tatarische Lieder.” In *Wiener zeitschrift für die kunde des morgenlandes*, 125–137. Bd. 40. Wien, 1933 (in German).
- Dudorov, P. *Krym i krymskie tatory: ocherk* [Crimea and the Crimean Tatars: feature article]. Moscow: M.V. Klyukin Publ. 1911 (in Russian).
- Dombrovskiy, F. “Istoriko-statisticheskoy ocherk g. Bahchisaraya.” [Historical and statistical feature article of Bakhchisarai] In *Novorossiyskiy kalendar na 1849 god* [Novorossiysk calendar for 1849], 380–396. Odessa, 1848 (in Russian).
- “Revan, krymsko-tatarskiy obyчай.” [Revan, the Crimean Tatar custom] *Tavricheskies gubernskie vedomosti* [Taurian provincial news]. July 28, 1862 (in Russian).
- Geissler, J.G.G. *Abbildung und Beschreibung der Voelkerstämme und Voelker unter des Russischen Kaisers Alexander* [Illustration and description of voelker Tribes and Voelker under the Russian Emperor Alexander]. Leipzig: Industrie-Comptoir Publ., 1803 (in German).
- Germogen. *Tavricheskaya eparhiya* [Taurian Diocese]. Pskov: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya Press, 1887 (in Russian).
- Gordlevskiy, V.A. “Dervishi Ahi Jevrana i cehi v Turtsii.” [Dervishes of Ahi Evran and guilds in Turkey] *Izvestiya Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR] 21, no 7 (1927): 1171–1194 (in Russian).
- “Gosudarstvo seldzhukidov Maloy Azii.” [State of the Seljukides of Asia Minor] *Izbrannyye sochineniya. Istoricheskie raboty* [Selected works. Historical works]. Vol. 1, 31–218. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury Publ., 1960 (in Russian).
- “Iz zhizni cehov v Turcii: k istorii «ahi».” [From the life of guilds in Turkey. To the history of “ahi”] *Zapiski Kollegii Vostokovedov pri Aziatskom Muzeje Akademii Nauk SSSR* [Notes of the Collegium of Orientalists at the Asian Museum of the Academy of Sciences of the USSR] 2, no. 2 (1927): 235–248 (in Russian).
- “Organizaciya cehov u krymskikh tatar: Iz poezdki v Karasubazar.” [Organization of guilds at the Crimean Tatars: From a trip to Karasubazar] *Trudy Jetnografo-Arheologicheskogo muzeja Jetnologicheskogo fakul'teta Pervogo Moskovskogo gosu-*

- darstvennogo universiteta* [Works of the Ethnographic-Archaeological Museum of the Ethnological Faculty of the First Moscow State University], 58–65. Vol. 4. Moscow, 1928 (in Russian).
- “Review.” *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographical review]. Vol. 1/2 (1914): 244 (in Russian).
- “Recenziya na knigu.” [Book review] *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii* [Proceedings of the Taurida Academic Archive Commission] 50 (1913): страница? (in Russian).
- Guthrie, M. *Through Russia: From St. Petersburg to Astrakhan and the Crimea*. Vol. 2. London: Hurst and Blackett Publ., 1874.
- Kachioni, S.A. *V debryah Kryma* [In the wilds of the Crimea]. Petrograd: Novoe vremya Publ., 1917 (in Russian).
- Kokizov, Yu.D. *Karaimy. Kratkiy istoricheskiy ocherk* [Karaites. Brief historical feature article]. St. Petersburg: [S.n.], 1898 (in Russian).
- Kuftin, B.A. “Juzhnoberezhnye tatory Kryma.” [South Coast Tatars of Crimea] *Crimea* 1 (1925): 22–31 (in Russian).
- Menzel, T. “Russische Arbeiten über turkische litteratur und Folkloristik: Gordlewski, Zavarin, Olesnjicki.” [Russische Work on Turkish literature, and folklore: Gordlewski, Zavarin, Olesnjicki] *Der Islam* 4 (1913): 123–136 (in German).
- “Über die Werke des russischen Turkologen Samojlovič.” [About the works of Russian Turkologist Samoylovich] *Archiv orientální* 1, no. 2 (1929): 209–234 (in German).
- “Über die Werke des russischen arabisten Kračkovskij.” [The works of the Russian Arabist Krakovskiy] *Archiv orientální* 2, no. 1 (1930): 54–86 (in German).
- Nepomnyashchy, A.A. *Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arhivy (1921–1945)* [History and ethnography of the peoples of the Crimea: bibliography and archives (1921–1945)]. Vol. 25. Simferopol: Antikva Publ., 2015 (in Russian).
- Pallas, P.S. *Kratkoe fizicheskoe i topograficheskoe opisaniye Tavricheskoy oblasti* [Brief physical and topographic description of the Taurian region]. St. Petersburg: [S.n.], 1795 (in Russian).
- Rakickiy, N.P. *Materialy po ekonomike Kryma: eksportnye vozmozhnosti kraya* [Materials on the economy of the Crimea: the export opportunities of the region]. Moscow: [S.n.], 1926 (in Russian).
- Yildirim, O. “Ottoman Guilds in the Early Modern Era.” *International Review of Social History*, no. 53 (2008): 76–77. <https://doi.org/10.1017/S0020859008003611>.
- Yildirim, R. “Shī‘itisation of the Futuwwa Tradition in the Fifteenth Century.” *British Journal of Middle Eastern Studies* 40, no. 1 (2013): 53–70. <https://doi.org/10.1080/13530194.2012.734958>.

Archives

- Arhiv Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences (thereafter – RAN)], f. 688, op. 1, d. 90.
- Arhiv RAN, f. 688, op. 2, d. 1.
- Arhiv RAN, f. 688, op. 2, d. 46.
- Arhiv RAN, f. 688, op. 4, d. 257.

Institut rukopisi Nacional'noy biblioteki Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo NAN Ukrainy [Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine of V. I. Vernadsky National Academy of Sciences of Ukraine], f. 1, op. 1, d. 25531.

Bahchisarayskiy istoriko-kulturnogo i arheologicheskoy muzey-zapovednik», Bakhchisarai [Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve], f. GBU RK, otdel «Istoriya», gruppya «Metall», KP 6621, № M 329; gruppya «Kozha–derevo–kost'», KP 6671. Inv. № KDK 247; Gruppya «Derevo», KP 6686. Inv. № D 262.

Craft culture of guild crimean tatar master of manufacturing traditional leather shoes (on the manuscripts and published materials of V.A. Gordlevsky)

Andrey A. Nepomnyashchy^a, Viktoriya A. Grushetskaya^a

^a V.I. Vernadsky Crimean Federal University

4, Vernadskogo Prospekt, Simferopol, Republic of Crimea, 295007

dr.aan@mail.ru, victorianage89@gmail.com

Abstract: The authors consider the scientific works of the famous turkologist V.A. Gordlevsky (1876–1956), which are largely preserved in handwritten form, in particular, in the Archive of the Russian Academy of Sciences, and other archives. On the basis of the scientist's work, there is carried out the comparative analysis of the guild organization of artisans in the Crimea and in Asia Minor, with the study of craftsmanship of the Crimean Tatar masters, who produced casual leather shoes on the territory of the Crimean peninsula in the late 18th – early 20th centuries. There is emphasized the leading role of the scientist in studying this problem. The authors point out the features of his life and scientific activity, which affected the formation of his fundamental and profound knowledge of this issue. There are formulated the conclusions reflecting the main aspects of the craft culture in the Crimea. The brotherhood of Akhi appeared and functioned in the Crimea as a voluntary union of the local professional and religious associations of guild craftsmen from the 13th century. In the opinion of V.A. Gordlevsky, these professional organisations played the leading religious, political and economic role in the region thanks to a “futuwwa”, the statute of the craft unions, which in Crimea were called “selef-name” and included ethical and moral codes, such as generosity, honesty and modesty. In the Crimea, there also was a hierarchy of guild craftsmen; it included three main levels of the craftsmen (the student “shekird”, apprentice “kalfa”, master “usta”) as well as administration headed by the supreme spiritual mentor of the guild “nakib” and the main masters “usta-bashi”.

Keywords: V. A. Gordlevsky, Crimea, leather footwear, Crimean Tatars, craft culture, guild organisation

For citation: Nepomnyashchy, Andrey A., Grushetskaya, Viktoriya A. “Craft culture of guild Crimean tatar master of manufacturing traditional leather shoes (on the manuscripts and published materials of V.A. Gordlevsky).” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2018): 581–607. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-581-607